

I. К столетию Русской революции (4)*

Нина Хайлова

Революция как предчувствие и реальность: по страницам дневника князя Владимира Голицына

В галерее деятелей московского городского самоуправления особое место принадлежит князю Владимиру Михайловичу Голицыну (1847–1932). Потомственный дворянин, представитель прославленного в российской истории рода, он посвятил более двадцати лет государственной службе, в том числе занимал должности московского вице-губернатора (1883–1887), губернатора (1887–1891). Однако главным местом самореализации князя стало общественное поприще, прежде всего, работа в Московской городской думе (с 1873 г. – гласный, в 1897–1905 гг. – городской голова)¹. Во многом его стараниями была проведена масштабная модернизация муниципального хозяйства, обеспечены рост и качественное обновление социально-культурной сферы². В ноябре 1905 г. в знак за-

* 27 и 28 апреля 2017 г. в Москве состоялась первая научная конференция Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога при Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики». Тема конференции: «Россия сто лет после революции: причины и последствия». В нашей рубрике, посвященной столетию Русской революции, мы начинаем публикацию материалов этой конференции. В следующем выпуске *Форума* мы продолжим эту публикацию – *прим. ред.*

¹ См.: Болдина Е.Г. Московский губернатор и городской голова Москвы князь В.М. Голицын // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: к 850-летию Москвы и 225-летию со дня рождения Московского генерал-губернатора, Светлейшего князя Дмитрия Владимировича Голицына: материалы IV Голицынских чтений, 18–19 января 1997 г. Ч. 1. С. Большие Вяземы, 1997. С. 57-64; Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и московская дума. М., 2010; Московская власть: городские головы (1782–1917): Ил. биограф. руководителей городского самоуправления. Вып. 1. М., 1997; Московская энциклопедия. Т. 1. Лица Москвы. Кн. 1. М., 2007. С. 397-398; Почетные граждане Москвы (1866–1917): ист.-биограф. изд. / С.А. Комиссарова, В.Г. Кошкидько, К.А. Соловьев. М., 2009; Кошкидько В.Г. Московский городской голова князь В.М. Голицын // Ярославский педагогический вестник. Том I: Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 17-21; Нестеров И.А. Московский городской голова князь Владимир Михайлович Голицын (1897–1905): автореф. дисс. на соиск. уч. степ. к.и.н. М., 2013; Его же. Развитие революционных событий в Москве и отставка Городского головы князя В.М. Голицына (январь–ноябрь 1905 г.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2013. № 3. С. 79-83; и др.

² По инициативе Голицына к 1901 г. был реконструирован Мытищинский водопровод, а в январе 1904 г. завершено сооружение нового – Москворецкого. Приметой времени стала муниципализация (одновременно с расширением) трамвайной сети, переход с конной тяги на электрическую. Развивалось железнодорожное сообщение между различными районами Москвы. С име-

слуг «хозяина» города Дума избрала своего руководителя почетным гражданином г. Москвы, заказала его портрет В.А. Серову³. К этому времени Москва приобрела репутацию не только «рассадника» передового опыта самоуправления, но и превратилась в один из центров либеральной оппозиции. А сам Голицын уже в первые годы нового столетия стал известен как поборник конституции, яркий деятель земско-городского движения. И впоследствии, вплоть до 1917 г. он продолжал участвовать в общественно-политической жизни. Однако до сих пор отсутствует полномасштабная биография Голицына. Не воссоздана и система его взглядов, не укладывающихся в традиционную схему политических «лагерей».

Особое место среди источников изучения личности Голицына занимает дневник, который он пунктуально вел на протяжении шестидесяти семи (!) лет – с 1865 г. до ухода из жизни⁴. Большая часть этого обширного наследия, изданного лишь частично⁵, хранится в собрании рукописей Российской государственной библиотеки. «Полный свод моего мирозерцания, всей моей умственной или душевной жизни»⁶, – так князь определял значимость документа для самого себя, не исключая при этом его ценность и для потомков. Голицын не раз возвращался на страницах дневника к разъяснению причин резкой перемены собственных взглядов – каким образом «из убежденного носителя административной власти» он мог в сравнительно короткое время «стать убежденным конституционалистом». Отмечая главную роль в этом «перевороте» обстоятельств службы, заявлял в марте 1904 г.: «Всё, что проходило и проходит мимо глаз моих не таково, чтобы во мне могли сохраниться какие-либо симпатии к консерватизму, какие-либо инстинкты власти абсолютизма...»⁷

Трезвый взгляд на окружающее был свойственен Голицыну не только как многоопытному управленцу, но еще и как дипломированному биологу. Выпускник естественного отделения физико-математического факультета Московского уни-

нем Голицына связана реконструкция старых и строительство новых мостов, постепенная замена керосиновых фонарей электрическими и газовыми. В 1903 г. Дума ввела бесплатное лечение для постоянных жителей Москвы. При Голицыне впервые было обеспечено всеобщее начальное образование для москвичей, создана сеть бесплатных городских библиотек. Финансирование городских программ осуществлялось в значительной мере за счет частных пожертвований. Приток этих денег в городскую казну был самым большим при Голицыне, благодаря его авторитету в среде деловой элиты. Немалые заслуги принадлежали ему и в развитии музейного дела в Москве. В частности, Голицын способствовал принятию П.М. Третьяковым решения о передаче Москве своей знаменитой галереи. Была проведена реконструкция здания музея, воздвигнут ныне существующий фасад (по проекту В.М. Васнецова). Галерея работала 300 дней в году, посещение ее было бесплатным.

³ Время создания картины, согласно дневниковым записям Голицына, – с 1 декабря 1905 г. по 17 апреля 1906 г. В настоящее время портрет находится в Государственном историческом музее.

⁴ См. Розенталь И.С. Прогрессист Голицын и его дневник // *Россия–XXI*. 2007. № 4. С. 118-137.

⁵ Голицын В.М. Дневник 1917–1918 годов. М., 2008.

⁶ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 75, д. 28, л. 119. Далее ссылки на архивные источники относятся к этому фонду. – *НХ*.

⁷ Д. 25, л. 18.

верситета (1869), князь называл своим «истинным призванием» определение растений и «вообще флористику», был увлечен этим на протяжении всей жизни. В 1905–1912 гг. он публиковал результаты своих исследований в *Трудах Ботанического сада Императорского Юрьевского университета*⁸, так что с полным основанием мог считать себя членом научного сообщества.

Профессиональный интерес к ботанике сочетался у Голицына с любовью к художественной культуре, обширными познаниями в области истории, философии. Огромная эрудиция, вкус к раздумьям над проблемами человеческого бытия и путями общественного развития, тайнами природы и мироздания, – все это подкрепляло его амбиции и как мыслителя⁹, нередко обеспечивало глубину и проницательность суждений.

Определяющую роль в судьбах народов и государств Голицын отводил не «деяниям человеческим», а исключительно идеям («их развитию, последовательному росту, степени восприятия их народами»), и, прежде всего, – идее о прогрессе как «истинном рычаге человеческого бытия»¹⁰. Ссылаясь на евангельскую притчу «о новом вине и новых мехах», автор дневника указывал на то, что сам «Христос установил и узаконил идею прогресса, как теоретически принципиальную, так и практически применимую во всяких случаях жизни»¹¹. «Если не верить в прогресс – общественный, народный и особенно общечеловеческий – то жизнь теряет свой смысл»¹², – полагал князь. По его мнению, опыт истории свидетельствовал о неизбежном, последовательном торжестве «идей знания, света и свободы», хотя для этого порой требовался «очень продолжительный период»¹³. Неразрывно связанными с идеей прогресса Голицын считал и «основания души человеческой» – идеи о праве и справедливости.

А насколько адекватной, по его мнению, была реакция российской власти на данный «тренд» общественного развития? «Отрицание прогресса, самой его идеи, желание бороться с нею»¹⁴, – так бывший московский городской голова на протяжении многих лет характеризовал упорное нежелание «верхов» считаться с

⁸ См.: Голицын В. Очерк флоры Епифанского уезда Тульской губернии // *Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета*. Т. 5. Вып. 4. Юрьев, 1905. С. 230–243; То же (окончание) // Там же. Т. 6. Вып. 1. Юрьев, 1906. С. 20–31; Его же. Первое дополнение к очерку флоры Епифанского уезда Тульской губернии // Там же. Т. 7. Вып. 4. Юрьев, 1907. С. 231–233; Его же. Второе дополнение к очерку флоры Епифанского уезда Тульской губернии // Там же. Т. 8. Вып. 4. Юрьев, 1908. С. 230–232; и др. По словам внука, благодаря этим публикациям в 1922 г. Голицын «стал членом КУБУ (Комиссии по улучшению быта ученых) ... и года два-три получал хороший паек» // Голицын С.М. Записки уцелевшего. Роман в жанре семейной хроники. М., 2016. С. 19.

⁹ «Однажды назван я был мыслителем, и это слово, пророненное случайно, ... глубоко запало мне в душу. Иного, лучшего эпитета себе я не желаю», – как-то заметил Голицын (Д. 26, л. 48 об.).

¹⁰ Д. 27, л. 277.

¹¹ Д. 29, л. 88–88 об.

¹² Д. 30, л. 326.

¹³ Д. 30, л. 184.

¹⁴ Д. 27, л. 277.

«веяниями времени». При этом он указывал на тщетность усилий правящих «сфер» видеть «свое спасение и безопасность в ходячих фразах о Святой Руси, о власти, о единодержавии и проч.», поскольку «истинный смысл этих фраз давно улетучился, единодержавие превратилось в самодержавие чиновников, власть обратилась в произвол самодуров и т.д.»¹⁵. «Идеалы человечества должны быть впереди, а не позади. Объект этих идеалов, их цель – созидание будущего, а не воскрешение прошлого, стремление вперед, а не задержка сзади, – обозначал Голицын позиции «здорового смысла». – Мы призваны жить и работать с живыми людьми и для них, а не для мертвых и с ними. А многие не хотят это понять»¹⁶. И еще: «Мы упрямо держимся своей слепоты и продолжаем верить в какие-то фантастические палладиумы, вроде русского строя, русской самобытности. Полнейшая негодность всего этого ясно доказана, и держаться этого значит идти навстречу новым кризисам, еще более сложным, еще более острым»¹⁷, – подобные рассуждения не редкость на страницах дневника. «Уважение к прошлому не должно порождать вражды к настоящему и недоверия к будущему», – так, в конечном итоге, его автор определял достойное «отношение разумного человека к жизни, своей и окружающей»¹⁸.

Проецируя ситуацию «дóлжного» на российское прошлое, Голицын заключал: «История России есть борьба царской власти с Россией». Единственной светлой страницей в истории самодержавия он считал правление Александра II. Благодаря реформам этого периода Россия имела реальный шанс выбраться наконец-то из наезженной колеи и встать на новый путь, – в этом князь нисколько не сомневался. Главную причину того, что данная альтернатива оказалась неосуществленной, он видел в том, что «Александр II, дав местное самоуправление, не увенчал его государственным и эта задержка, эта пауза, подчеркнутая и усиленная еще его преемником, сделала то, что вместо правильного развития правового строя мы разом очутились в революции»¹⁹. Осенью 1904 г. Голицын записал: «После царствования Александра II, понимавшего, что надо идти в уровень своего времени и его требований, последовало царствование тупого эгоиста, в свою очередь замыкаемое бесхарактерным мистиком, не знающим, что делать и куда идти. Это последнее совершенно объясняет все то, что ныне происходит у нас и чему выхода нет, кроме радикальной перемены всей системы правления»²⁰, – именно такой представлялась ему внутренняя логика развития драмы российской истории.

Не случаен поэтому и один из «сквозных» сюжетов дневника – революция в России. Голицын осмысливал это явление как предчувствие и реальность, впи-

¹⁵ Д. 21, л. 179.

¹⁶ Д. 27, л. 303.

¹⁷ Д. 28, л. 5 об.

¹⁸ Д. 30, л. 259 об.

¹⁹ Д. 31, л. 23.

²⁰ Д. 25, л. 132.

сывая его во всемирно-исторический контекст. Причем размышления подобного рода занимали князя задолго до 1917 г. Еще в 1890-е гг. он предсказывал неизбежность переворота «в смысле свободы и падения чиновничьего самодержавия и произвола», полагая, что случится это вследствие «толчка извне»²¹.

В январе 1900 г. Голицын определил собственное понимание «революции». Для него было неприемлемо упрощенное представление о ней как «уличных беспорядках, бунте толпы». Называя эти явления случайными, он замечал, что власть при желании может их предотвратить, а, в противном случае, успешно бороться с ними. «Но не в этом революция, – подчеркивал автор дневника, – а в новых идеях, в идейной борьбе за правду и справедливость против злоупотреблений и рутины, против произвола и насилия, а против этого бороться нельзя, это неудержимый поток, которого никакими искусственными ограждениями не остановишь, которого не обезоружить изъятием отдельных, "неблагонадежных", личностей». Указывая на неотвратимость в России подобного рода «революции» («как неизбежно наступление весны после зимы»), Голицын заявлял тогда: «Разумным людям надо готовиться к ней»²². Но – как готовиться? С разъяснениями на этот счет он не раз выступал на страницах дневника. Стремление отдельных личностей «руководить событиями» князь характеризовал как «пустой звук, порождение очень ограниченных, но очень много мнящих о себе умов»²³. Он предупреждал: будущее – «всегда неожиданное, события никогда не следуют предусмотренным путем»²⁴.

Главной задачей всех тех, кто искренне заботился о благе России, Голицын считал преодоление критиканского уклона в отношении существующего режима, первоочередную сосредоточенность на подготовке «программы улучшений и преобразований». С неизменной симпатией князь отзывался о «людях свободных, любящих свою Родину, понимающих ее нужды», которые «вырабатывают в тиши своих кабинетов программы желанного строя, планы реформ». Примером, достойным подражания, он называл опыт С.А. Муромцева²⁵. При этом Голицын постоянно подчеркивал особое значение совместных усилий власти и общества – в русле «мирного обновления» и в соответствии с «логикой истории», провозглашал приоритет гражданского и политического воспитания масс.

Он разделял мнение о том, что «лучшее средство избегнуть революции – это ее совершить»²⁶. Князь считал эту мысль (парадоксальную лишь на первый взгляд) «глубоко справедливой», поскольку «нельзя победить прогресс борьбою, а можно только руководить им»²⁷. «Действительно, когда переворот назрел, когда коренное изменение строя является неизбежным, разумным, – сознательные лю-

²¹ Д. 26, л. 28.

²² Д. 21, л. 183 об.-184.

²³ Д. 21, л. 101.

²⁴ Д. 25, л. 101.

²⁵ Д. 30, л. 274, 322 об. [С.А. Муромцев (1850-1910) – известный русский правовед – прим. ред.]

²⁶ Д. 31, л. 71-71 об.

²⁷ Д. 27, л. 277.

ди, стоящие на высоте своего времени, должны бы взять в свои руки это преобразовательное дело, не дожидаясь того, чтобы оно пошло помимо них и б[ыть] м[ожет] вопреки их идеалам»²⁸, – рассуждая подобным образом, автор дневника указывал на необходимость действий «на опережение», с целью предотвращения «революции снизу». «Если бы французская монархия стояла на высоте своего времени и понимала потребности народа, революции не было бы. То же и у нас»²⁹, – не сомневался Голицын.

Он подчеркивал закономерный характер революции 1905–1907 гг. А поскольку революция оказалась тогда во многом не завершённой, то, по его мнению, вопрос о ней продолжал оставаться в «повестке дня». Тем более что лейтмотивом столыпинской эпохи князь называл «прежние гнет, гонения и нелепости». В январе 1908 г. он записал: «Вот уже скоро четыре года, что вступили мы в период революции, и конца не видно...»

«Можно ли говорить об экономическом преуспевании, о культуре, просвещении в такой стране, где законность обращена в пустой звук, где ни личность, ни имущество, ни свобода передвижения и обитания ничем не обеспечены, где царствует произвол, а не власть, где управляет охрана, а не правительство?» – задавался Голицын резонным вопросом летом 1911 г. Сравнивая два периода – революции 1905–1907 гг. и последующей «эпохи мрачной реакции и шулерства», – он приходил к выводу: «Если события нашего Смутного времени испугали наших "мирных граждан" и отшатнули их временно от прогрессистов и вообще от движения вперед, то столыпинский режим сделал как раз обратное, и с бóльшим успехом: этих "мирных граждан" он отшатнул от себя и сделал из них своих врагов»³⁰. «Очень тревожным симптомом» князь считал т.н. «забастовку порядочных людей»³¹. В числе последних Голицын подразумевал и своих соратников («умеренных и знающих»), которых правительство не захотело и не сумело вовремя привлечь к совместной работе, а «предпочло втолкнуть всех без разбора в ряды опасных, неблагонадежных, чуть не революционеров»³².

Что касается непосредственных «носителей» революционной тактики, то отношение Голицына к ним было неоднозначным. «Я понимаю психологию революционера, даже самого крайнего, когда он стремится всеми силами и средствами разрушить существующий, ненавистный ему строй, но когда в основе этого отрицательного стремления лежит положительный идеал, к осуществлению коего это разрушение и должно служить, – счел нужным отметить князь в феврале 1911 г. – Но когда стремления его имеют целью одно разрушение, каким бы бла-

²⁸ Д. 31, л. 71-71 об.

²⁹ Д. 31, л. 583.

³⁰ Д. 30, л. 135 об.-136.

³¹ Д. 29, л. 334 об.

³² Д. 26, л. 156 об.

городным негодованием они ни одушевлялись, сколько бы мужества и самоотвержения ни вложил он в них – этого я не понимаю»³³.

Исследуя эффект «гипнотического» воздействия «крайних революционеров» даже на «самых здравомыслящих» граждан, Голицын обращал внимание на своего рода «обаяние» героизма, всегда безотказно действующее на публику³⁴. В этом смысле не стал исключением и сам князь, не скрывавший своего искреннего сочувствия «людям протеста». Вспоминая декабристов, членов 1-й Думы и многих других «страдальцев за правду», включая «жертв современного режима», он признавал: «Не нам судить их, не нам в среде их отделять искренних героев, знающих себя и свое дело, за которое страдали, от тех, кто оболыгался призраками»³⁵. При этом он подчеркивал «обратный эффект» в обществе от борьбы правительства с «враждебными элементами»: «от сочувствия к чему-либо до самопожертвования ради того же – один шаг»³⁶. «Этот поганый режим создал у нас не одну сотню революционеров в душе ... рассуждающих "чем хуже, тем лучше" ..., которые если сами и не прибегнут к каким-либо насилиям, то втайне будут сочувствовать всем таковым»³⁷, – свидетельствовал Голицын осенью 1909 г. «...все более и более охватывает меня презрение к нашему режиму, и все более возмущаюсь и негодую. Думаю, что много подобных мне однородно думающих и чувствующих»³⁸, – констатировал он спустя два года.

Причисляя себя к радикалам, Голицын вместе с тем считал ошибочным смешение «радикализма с анархизмом, радикала – с революционером». В его представлении, радикал – это тот, «кто вооружается и беспощадно борется против всяких злоупотреблений, произвола, пошлости, против всего отжившего, одним словом тот, кто является носителем и поклонником прогресса в самом широком и всеобъемлющем смысле этого слова». При этом князь подчеркивал вред для развития («или воспитания») подобного рода радикализма, того озлобления, даже ожесточения, которое, по его наблюдению, в значительной степени росло и усиливалось накануне Первой мировой войны «особенно в средних классах общества и в среде умеренных даже людей по отношению к царствующему режиму и представителям его»³⁹.

Обозначенная Голицыным тенденция свидетельствовала, по его мнению, о сохранении ключевой проблемы. Это – несостоятельность не только правительства, продолжавшего «искусственно задерживать нормальное развитие строя, создание правового порядка с широким представительством и полной ответственностью»⁴⁰, но и общества, у которого («как и у наших государственных де-

³³ Д. 30, л. 98 об.-99.

³⁴ Там же.

³⁵ Д. 30, л. 299 об.

³⁶ Д. 30, л. 201.

³⁷ Д. 29, л. 363.

³⁸ Д. 30, л. 240-241 об.

³⁹ Д. 30, л. 384-384 об.

⁴⁰ Д. 31, л. 71 об.

ятелей») очень слабо развито «умение ловить момент», а потому, – замечал автор дневника, – «сплошь и рядом мы запаздываем и это благодаря тому, что не прислушиваемся к биению пульса народной жизни и общественного настроения»⁴¹. Голицын предполагал, что данная ситуация могла разрешиться не «революцией в общепринятом смысле этого слова», а другим путем: «последует постепенное, но быстрое гниение, которое кончится внезапным падением... как падает здание на деревянных столбах, когда столбы эти подгнили»⁴². Он также выступил с предсказанием: следствием «глухой борьбы» между обществом и правительством («неумелой с той и другой стороны») может явиться «выход наружу самых вредных элементов общества... всяких проходимцев», которые могут «наделать таких дел, что не опомнишься: найдись теперь предприимчивый человек, и он повернет все вверх дном»⁴³. «На почве разлагающейся, деморализованной ничего создать нельзя, и элементам революционным, с одной стороны, хулиганским – с другой, будет где себя показать»⁴⁴, – записал он в феврале 1909 г.

Объясняя устойчивые тенденции в действиях власти и общественных сил, Голицын выделял ряд факторов. «Вся беда – наша некультурность!»⁴⁵ – указывал князь на корень всех проблем. Негодование было его неизменной реакцией на распространенное мнение, согласно которому «нам нужна сильная власть»: «Нет, не власть нужна. А нужны головы, которые умели бы руководить этой властью, а их-то у нас нет, и вдобавок ни в каком лагере»⁴⁶. Голицын не сомневался в том, что для того, чтобы «распознать действительные требования жизни, нужны разум, окрашенный культурой, чувство, освещенное разумом»⁴⁷. В то же время, по его мнению, и оппозиция, и власть в России начала XX в. оказались неподготовленными к своей миссии. «Целое поколение – а, может быть, два или три – должно отжить и исчезнуть, должно уступить место другому, более состоятельному и иначе развитому, дабы достигнуто было усовершенствование жизни вообще, о котором лучшие умы мечтают»⁴⁸, – безрадостно констатировал он.

Вместе с тем, исходя из реалий («все разбилось, все раздробилось, фактически движение находится в руках революционной партии»)⁴⁹, Голицын считал возможным и необходимым образование «фактического центра» в политической жизни России, который мог бы стать опорой и для правительства, и для общества⁵⁰. Он неизменно поддерживал объединительные тенденции в рядах либеральной оппозиции («лишь бы служили они ко благу, прогрессу и просвеще-

⁴¹ Д. 31, л. 116-116 об.

⁴² Д. 28, л. 283 об.-284.

⁴³ Д. 27, л. 204 об.; д. 28, л. 85-85 об.

⁴⁴ Д. 28, л. 210 об.-211.

⁴⁵ Д. 28, л. 311 об.

⁴⁶ Д. 26, л. 245.

⁴⁷ Д. 26, л. 118.

⁴⁸ Д. 28, л. 282.

⁴⁹ Д. 26, л. 56 об.

⁵⁰ Д. 26, л. 150 об.

нию»⁵¹): в 1906–1908 гг. – возглавлял московский Клуб независимых, сыгравший определенную роль в сплочении «мирнообновленцев», в 1912 г. – был избран членом Московского комитета Партии прогрессистов.

Незадолго до вступления России в Первую мировую войну Голицын все более склонялся к тому, что время и возможности для «мирного обновления» оказались в который раз упущены. Одним из симптомов приближения революции князь считал рост «не простого недовольства царем», а «озлобление, презрение» по отношению к нему⁵². Сам он предвидел обреченность династии еще в 1904 г.: «Радуются рождению наследника. Напрасно...»⁵³ «Был у нас Николай первый, теперь у нас Николай последний», – в этой «остроте, привезенной из Петербурга», в декабре 1907 г. Голицын видел «удачное отражение настоящего нашего положения и будущности»⁵⁴. «Наш убогий Государь», «тщедушный и двуличный монарх», – таким предстает на страницах дневника образ последнего российского императора. «Наше несчастье в том, что неограниченная власть находится в руках более чем ограниченного человека»⁵⁵, – подчеркивал князь трагизм ситуации. «Тот царь, который увлек Россию в японскую войну, спокойно перенес позор поражения, ввел режим гнета в своем царстве, сам прячась от своего народа, тот перестал быть царем, в смысле народного вождя, с тем уже нечего считаться»⁵⁶, – записал он в апреле 1911 г.

Как и многие современники, Голицын не видел в правящей династии «запаса для будущего», поскольку она «существовала и выполняла свое призвание ... только для себя, для своего благополучия, и заботы о России были только отдельными, отрывочными проблесками и то только в тех случаях, когда интересы России совпадали с интересами ее благополучия»⁵⁷. А потому у него не было сомнений в том, что «при неминуемом кризисе ... ребром будет поставлен вопрос династический»⁵⁸. Он отмечал рост популярности идеи о том, что «можно жить и без царя». «Для этого придумано новое слово – «обезтронить»⁵⁹, – указывал князь в июле 1915 г. Осенью того же года он записал: «Теперь вся Россия сплотилась воедино против царя»⁶⁰.

При этом позиция Голицына не во всем совпадала с распространенным мнением. Он видел корень проблемы вовсе не в решении династического вопроса: «Все говорят о царе и на все лады его бранят, не видя, что он и его роль в сущности не имеют никакого значения и устранение его ни на чем не отразится»⁶¹.

⁵¹ Д. 31, л. 590 об.

⁵² Д. 31, л. 5 об.

⁵³ Д. 25, л. 105.

⁵⁴ Д. 27, л. 228.

⁵⁵ Д. 27, л. 174.

⁵⁶ Д. 30, л. 131-131 об.

⁵⁷ Д. 31, л. 352 об.-353.

⁵⁸ Д. 31, л. 5 об.

⁵⁹ Д. 31, л. 472 об.

⁶⁰ Д. 31, л. 547.

⁶¹ Д. 31, л. 516.

Князь считал гораздо более важным ответ на вопрос: а насколько готова к грядущей революции умеренная оппозиция (в лице наиболее близких ему – кадетов и прогрессистов). Он продолжал настаивать на том, что во главу угла ей следовало бы ставить не отрицание существующих порядков, не борьбу «с вражьиими силами», а разработку позитивной программы. «Недостаточно иметь в себе идеал, надо еще сознавать пути к его осуществлению, содействовать следованию по этим путям»⁶², – напоминал Голицын опыт революции 1905-1907 гг., прежде всего, причины «незадавшейся» судьбы Манифеста 17 октября 1905 г. и Государственной думы двух первых созывов. В то же время он с тяжелым чувством отмечал среди многих своих соратников «почти полное отсутствие такого руководительного начала» и, более того, «состояние полного бессознания»⁶³. Голицын предвидел, что с подобным настроением умеренная оппозиция вновь окажется «у разбитого корыта» в результате очередного революционного кризиса.

Рост недовольства царской властью накануне и в годы войны автор дневника считал далеко не единственным предвестником революции. Он указывал и на другие, по его словам, признаки неизбежной катастрофы, в т.ч. «красноречивые» симптомы «ужасного» состояния «разложения», поразившего общество сверху донизу. Во-первых, это – «громадное усиление разгула и азарта во всех формах и видах»⁶⁴. «Это производит впечатление, – замечал Голицын, – что люди торопятся жить, использовать свободу жизни и ее блага или все кажущееся им благом, словно предчувствуя, что скоро наступит конец этому..., а правительство словно видит в этом азарте отвлечение от политики»⁶⁵. Еще один тревожный симптом – это «воровство, казнокрадство, взяточничество», «усиление хищничества» в чиновных и общественных сферах: «Как будто весь режим обратился в систему возможно бóльшего расхищения в свою пользу всего, что только лежит под руками, и сама власть сделалась слугой в этой оргии корысти. Всякий тащит себе, и всё служит этому под крылышком "казны": естественные богатства, безбожно расхищаемые, промышленные предприятия всякого рода, начиная с железных дорог, земельные банки и т.д. О будущем никто не думает»⁶⁶. Опасность подобной ситуации подчеркивалась в дневнике еще раньше, в 1909 г.: «Никакая кон-

⁶² Д. 31, л. 4.

⁶³ Д. 31, л. 4, 31 об.

⁶⁴ Характерно в этом смысле письмо Голицына в редакцию газеты Русские ведомости в июне 1915 г., в котором он выразил «крайнее удивление» и глубокое возмущение по поводу «поразительного пренебрежения» со стороны Московского бегового общества к «тяжелым во всех отношениях событиям», переживаемым страной. «Во время страшной войны, когда весь русский народ охвачен одним чувством, одной мыслью, когда все его силы направлены на борьбу с врагом и на помощь пострадавшим в этой борьбе или от нее, Общество назначает бега с призами на 60 тыс. руб.», – свидетельствовал князь. При этом автор письма указывал на то, что, к примеру, в Англии, где «скачки – национальный спорт», подобные мероприятия были отменены до окончания войны... «Неужели Общество не могло отказаться от этих призов и направить эти суммы в иную цель?» – восклицал Голицын, в итоге заявив о сложении с себя звания почетного члена этого Общества // Русские ведомости. 1915. 16 июня. № 137.

⁶⁵ Д. 31, л. 81.

⁶⁶ Д. 31, л. 81-81 об.

ституция не поможет, раз все у нас перемошенничалось и развратилось до мозга костей»⁶⁷.

Зимой-весной 1915 г. Голицын считал знаком приближения революции и «ужасающий», по его словам, экономический кризис. Эта опасность, указывал он, «пожалуй, серьезнее германских полчищ»⁶⁸. Отмечая еще целый ряд поводов для недовольства властью («оттягивание» созыва Государственной думы, «покровительство» немцам внутри страны, и т.д.), князь приходил к заключению, что все это, вместе взятое, ускоряло «неизбежный переворот»⁶⁹.

«Правительство наше прикидывается сильным, могущественным, не боящимся никого и ничего, но в душе своей оно не может не сознавать, что с каждым днем оно все более и более теряет почву из-под ног»⁷⁰, – записал Голицын в июле 1915 г. Не раз он выступал с заявлениями о бесполезности перемены лиц в правительстве: «Не все ли равно, что один чиновник сядет на место другого! К этому всегда сводятся у нас все реформы»⁷¹. «Не этими пустяками удовлетворить страну, а переменить надо всю систему, весь строй»⁷², – продолжал настаивать автор дневника.

А какие силы в России, по его мнению, могли в годы войны выступить в качестве «мотора» необходимых коренных преобразований? Он не рассчитывал на государственных деятелей из прежней «обоймы». По словам Голицына, перед «громадностью, умопомрачительностью» задач, вставших перед страной, они «уподобиться могут мышам, стоящим перед египетскими пирамидами». Подходящими кандидатурами на роль «богатыря, который сдвинет наш проклятый строй ... и мощною рукой поведет Россию по путям к свету и свободе», он считал общеземский и общегородской союзы. Согласно его выводам, именно эти организации вполне могли бы «взять в свои руки все дело народного представительства» и стать «основанием ... для водворения правового строя»⁷³.

В то же время у Голицына уже не оставалось сомнений в том, что решающую роль в грядущей революции сыграют народные массы. В очередной раз он подчеркивал: «Все идет к народному – а не правительственному только – перевороту»⁷⁴. В этой связи ему казалось уместным обратить внимание общественных деятелей на необходимость «приучать себя к слову "республика"»⁷⁵. Следствием процесса демократизации князь считал также еще одну глобальную тенденцию, проявляющуюся и в России – «стремление к внутренней федеративности, в про-

⁶⁷ Д. 29, л. 14 об.

⁶⁸ Д. 31, л. 337 об.

⁶⁹ Д. 31, л. 447 об.-448.

⁷⁰ Д. 31, л. 462 об.

⁷¹ Д. 31, л. 439.

⁷² Д. 31, л. 49.

⁷³ Д. 31, л. 313-313 об.

⁷⁴ Д. 31, л. 32 об.

⁷⁵ Д. 31, л. 31 об.

тивоположность правительственной централизации»⁷⁶. Распространяя данную тенденцию и на национальный вопрос, Голицын заявлял о себе как стороннике создания в России «федеративного строя с полным равноправием национальностей»⁷⁷.

Как и прежде, для него была очевидна непредсказуемость грядущих событий, поскольку настроение и поведение «многомиллионного сфинкса» в лице крестьянства и «его пролетарских отпрысков» предугадать невозможно. Еще один, по словам Голицына, «неразгаданный сфинкс» – это армия (хотя сам он еще летом 1911 г. отмечал, что этот «оплот» власти «постепенно, но быстро революционизируется»⁷⁸). «Но все это, – тревожился князь, – вовсе не заботит наших мудрых сановников, глухих и слепых»⁷⁹.

В мае 1915 г. Голицын поместил в дневнике свое наблюдение о расколе общества на «три стихии, или три элемента, живущие и действующие отдельно друг от друга и притом не без взаимной вражды». Первая «стихия» – это народ, «безропотно приносящий тяжелые жертвы, но несомненно таящий в себе какие-то ожидания». Второй элемент – «общество, или интеллигенция, самоотверженно служащие и пособляющие этим жертвам, но словно утратившие надежду на какие-либо иные, более широкие плоды». И, наконец, – третий элемент – это правительство, занятое, по его убеждению, исключительно ограждением себя от упомянутых двух элементов. Ни к чему хорошему этот «тройственный параллелизм» не приведет⁸⁰, – заключал князь.

Примерно тогда же, в середине 1915 г., он предложил еще один взгляд на расклад общественно-политических сил в стране. Голицын выделил «две стихии, два полюса»: на одном из них – «правительство, стремящееся к сохранению власти, на другом – «крайние партии противоположных друг другу окрасок, которые одинаково стремятся захватить эту власть»⁸¹. Автор дневника вынужден был признать: «Между этими двумя крайностями нам, прогрессистам, конституционалистам, нет места и мы оказываемся бессильными»⁸². Можно ли предотвратить столкновение упомянутых двух «стихий»? Он был убежден: примирить их могло бы только безотлагательное утверждение в России конституции, т.е. «честное, откровенное, добросовестное создание правового строя»⁸³. Однако, по его мнению, шансов на развитие событий по данному «сценарию» тогда уже не существовало. «Все мы находимся под двойным давлением – военных событий, которые принимают все более решающий характер, и внутренних волнений, ко-

⁷⁶ Д. 31, л. 46 об.

⁷⁷ Д. 31, л. 47.

⁷⁸ Д. 30, л. 209 об.

⁷⁹ Д. 31, л. 334 об.-335.

⁸⁰ Д. 31, л. 395-395 об.

⁸¹ Д. 31, л. 404 об.

⁸² Д. 31, л. 520 об.

⁸³ Д. 31, л. 461.

торые все обостряются в своем напряжении»⁸⁴, – записал Голицын в сентябре 1915 г.

«Благодаря безумной реакции, которую наши чиновные слепцы принимали за твердую власть, мы сразу очутились в революции, ибо нечего скрывать – она уже началась, – констатировал он летом 1915 г. – Стало быть, у нас и "реакция", и "революция"»⁸⁵. Обозначая основные события этой революции, Голицын в августе 1915 г. высоко оценил решение московской городской думы о необходимости образовать «такое правительство, которое пользовалось бы доверием народа». В этом он видел преемственность революционной традиции. «Как это оправдывает все то, что происходило 10-летие тому назад в той же [московской городской – НХ] думе, на земских съездах, в 1-й Государственной думе!»; «Московское постановление произвело громадное впечатление, оно встрепенуло погань петроградскую. Давно пора!»; «Вслед за Москвой все города, сословия, общественные организации поднялись и высказались в еще более сильных формах»⁸⁶, – делился Голицын впечатлениями от событий августа 1915 г. Тогда же он приветствовал и образование Прогрессивного блока в IV Думе как реализацию давней мечты своих соратников о создании «конституционного центра», а в начале сентября – открытие двух съездов – общеземского и общегородского. Однако иллюзий у него не было: «Вероятно, там в верхах отнесутся к этому как слепые к картинам и глухие к музыке»; «петроградского чиновника ничем не прошибешь»⁸⁷. 20 сентября 1915 г. Голицын записал: «Из всего общественного подъема этого последнего времени не вышло ничего: Петроград на все положил свою лапу»⁸⁸.

Тем не менее сохраняя уверенность в том, что перемены не заставят себя долго ждать, он считал показательным симптомом «наэлектризованное настроение» публики, безнадежную утрату доверия общества к власти. А потому, замечал князь, «одной искры будет довольно для вспышки того, о чем у нас не думают наши мудрецы»⁸⁹. В который раз он предсказывал: «Удар, извне нам нанесенный, разрушит наш режим». При этом он не сомневался в том, что война послужила лишь «поводом, даже предлогом, а удар был подготовлен и нанесен нами самими себе»⁹⁰.

Продолжая сохранять «твердую веру» в «конечную победу наших общественных сил», Голицын указывал на источники своего оптимизма в новых условиях. Во-первых, это – заметные успехи самоорганизации русского общества в годы войны. Он верил в то, что подобная «школа воспитания» не может пройти даром. Во-вторых, сторонник прогресса, он просто не видел другого пути для России, кроме превращения ее в правовое государство. В который раз он отвечал и кри-

⁸⁴ Д. 31, л. 534.

⁸⁵ Д. 31, л. 461.

⁸⁶ Д. 31, л. 504 об.-506 об.

⁸⁷ Д. 31, л. 523 об., 526.

⁸⁸ Д. 31, л. 536.

⁸⁹ Д. 31, л. 558.

⁹⁰ Д. 31, л. 489.

тикам этой идеи – тем, кто на протяжении почти полувека продолжал твердить, что «мы не дозрели, не доросли до правового строя и политической свободы». «Когда же мы дорастем? – восклицал князь. – Известно, что лучшее средство выучиться плаванию, это броситься в воду. Лучшее средство политически дозреть, это иметь правовой строй и право участия в нем, быть гражданином в полном смысле этого слова»⁹¹.

В канун свержения самодержавия Голицын, по воспоминаниям его внука, «предвидел – куда приведет бессмысленная политика царских министров и как истинный патриот глубоко страдал»⁹². Опровергая мнение о «постановочном» характере Февральской революции, он выступил против обвинений «кадетов, прогрессистов и др. в том, что они "затеяли" переворот, когда народ не был к нему готов, и что все затеянное ими так изуродовалось. Это последнее обвинение имеет то основание, что кадеты не сумели воспользоваться моментом, когда власть была у них в руках, и оказались несостоятельными, – соглашался автор дневника. – Но первое обвинение нелепо: никто не затевал переворота, а совершил он силой вещей, роком, хотя и при деятельном содействии тех, кто в свое время не послушался кадетов и так упрямо цеплялся за прежнее, негодное, воображая, что оно может быть сохранено мерами охраны»⁹³.

В послефевральской России Голицын отмечал полную сумятицу в умах, извращение понятий о свободе и порядке. «Безумная анархия и господство черни»⁹⁴, – так он характеризовал ситуацию к осени 1917 г. Исходя из опыта истории, князь не сомневался в том, что «революция в крайнем своем развитии всегда приводит к диктатуре, ... а деспотизм и произвол, – неизбежно ведут к революции»⁹⁵.

Чем ближе к октябрю 1917 г., тем более беспросветным становилось настроение Голицына. Он не отрекся от своих взглядов, по-прежнему считал правовой строй единственным путем к спасению России. Но обстановка в стране практически не оставляла у него сомнений в том, что эта цель скрылась за горизонтом... Анализируя причины случившегося, он в который раз свидетельствовал об устойчивой закономерности: в обоих лагерях, – «монархическом, выдавшем в конституции посягательство на самые устои монархии и ставившем сторонников ее на одну доску с революционерами, и анархическом, считающем конституцию буржуазным измышлением, а сторонников ее – своими врагами», – «словно одинаково забыта Россия, а на первом плане стоят интересы классовые, партийные, личные»⁹⁶. В этом автор дневника видел угрозу для русского народа «остаться навеки под игом и в состоянии рабства»⁹⁷.

⁹¹ Д. 31, л. 600.

⁹² Голицын. Записки уцелевшего... С. 24.

⁹³ Голицын. Дневник 1917–1918 годов... С. 330.

⁹⁴ Там же. С. 97.

⁹⁵ Там же. С. 39-40.

⁹⁶ Там же. С. 50-51.

⁹⁷ Там же. С. 84.

Судя по записям сентября-октября 1917 г., он не сомневался в том, что «мы дошли до точки, когда можно ждать всяких событий, даже самых неожиданных»⁹⁸. «Кажется, что все у нас готово для диктатуры. Даже все ее ждут, но увы! Диктатора нет»⁹⁹. Кстати, на протяжении 1917 г. князь ни разу не упомянул в дневнике имя В.И. Ленина. Крайних левых он вообще не рассматривал тогда как возможных будущих властителей и организаторов России. За несколько дней до большевистского переворота Голицын заявлял: «"Крайние", заменяющие порядочных людей, очень много берут на себя, и нетрудно предугадать, что на этом-то сорвутся они, ибо не отличаются они знанием дела и способностью его вести»¹⁰⁰.

«Началась война гражданская...»¹⁰¹ – записал он 25 октября 1917 г. «Печален жребий России – перейти от убогого Николая и его хулиганов к нынешним анархистам-предателям»¹⁰², – сокрушался Голицын. При этом он отмечал черты сходства ситуации при старом и новом режиме: тесную связь власти и злоупотреблений ею, «ничтожество» личностей государственных «мужей», «несостоятельность» наших «лучших людей». Голицын называл приход к власти большевиков «естественным плодом нашего многолетнего режима», «возмездием за порчу народа, за вековое угнетение его»¹⁰³. В который раз он указывал на один из главных просчетов оппозиции: «Мы мало интересовались народом, не заботились о его духовном развитии, не знали его. ... Народ, как коллективность, беспросветно дик»¹⁰⁴. «Впрочем, – подтверждал князь свое давнее наблюдение, – и наши так называемые образованные классы были дикими в душе своей вопреки внешнему лоску. ... Я не знаю, что у нас хуже, что более дико – разнузданность обнаглевшей, варварской толпы или самодурство наших аристократов, вельмож, мнящих себя "солью земли"»¹⁰⁵. «Все мы одинаково виноваты, но и все оказались одинаково слепыми и бессознательными орудиями рока, в том числе и Николай [II]»¹⁰⁶, – заключал Голицын.

Единственным, «бесспорно, благотельным и многообещающим результатом нашей анархии» он считал «идею о федерализме», в поддержку которой он выступал задолго до 1917 г.¹⁰⁷

«Что же дальше?» – пытался Голицын прозреть будущее на исходе 1917 г. Он не разделял сожалений определенных кругов о царском режиме. По поводу призывов к восстановлению монархии замечал, что готов поддержать это только при

⁹⁸ Там же. С. 76.

⁹⁹ Там же. С. 91.

¹⁰⁰ Там же. С. 99.

¹⁰¹ Там же. С. 106.

¹⁰² Там же. С. 327.

¹⁰³ Там же. С. 125, 345.

¹⁰⁴ Там же. С. 190-191, 333.

¹⁰⁵ Там же. С. 316.

¹⁰⁶ Там же. С. 206.

¹⁰⁷ Там же. С. 180.

условии «прочной гарантии правового строя». Зная о собирании антибольшевистских сил, бывший князь не рассчитывал на их успех. «И тут опять наша вечная язва – нет людей»¹⁰⁸, – констатировал он. «Все ждут падения наших "правителей", а они и не думают уступать свое место, да и некому их столкнуть»¹⁰⁹. Голицын полагал, что «на той ниве, которая вспахана [революцией – НХ], вряд ли что создастся»¹¹⁰. Впрочем, он готов был признать, что современникам событий не дано в полной мере понять их. По его словам, «это – задача будущего»¹¹¹...

В январе 1932 г., незадолго до ухода из жизни, отвечая самому себе на вопрос о том, «какова дальнейшая судьба России и будет ли когда-нибудь ликвидирован советский режим», Голицын оставил своего рода «предсказание». Оно заключалось, во-первых, в предчувствии установления в стране «диктатуры личности, наподобие того, как это было с Наполеоном после его побед в Италии и Египте». Во-вторых, в будущем ему представлялось неизбежным падение большевистского режима, поскольку он не обладает «созидательными способностями». Причем, по его мнению, это «падение воспоследует силой инерции, ... как-то само собой, под собственной тяжестью, т.е. непригодностью к реальному окружающему миру»¹¹².

К началу 1930-х гг. Голицын и члены его семьи как «социально чуждые элементы» сполна испытали «прелести» нового режима. В 1918 г., спасаясь от голода, Владимир Михайлович и его жена, Софья Николаевна (урожд. Делянова), покинули Москву и поселились в Богородицке (Тульской губ.), в семье дочери, Веры Владимировны Бобринской. В конце того же года Голицын, его сын и два зятя были арестованы. Их перевезли в Москву и вскоре освободили. Тогда сыграло роль заступничество председателя исполкома Моссовета Л.Б. Каменева. В начале 1919 г. он лично встретился со старшим членом семейства, после чего Владимир Михайлович получил (в память заслуг перед москвичами) своего рода «охранную грамоту».

До 1922 г. Голицын оставался в Богородицке, трудился там одно время библиографом в местном отделе народного образования, затем – вернулся в Москву. Он все чаще ощущал себя «реальным обломком того времени», которое для нового поколения имело «характер чего-то легендарного, исторического». Отрадой для него было воскрешение в мыслях череды «призраков» давным-давно исчезнувших людей и событий, повествование о своем прошлом. Работа над воспоминаниями и ранее помогала Голицыну хоть ненадолго отрешиться от окружающей действительности... Радовала его и возможность обращения к заинтересованной читательской аудитории со своими рассказами о былом¹¹³.

¹⁰⁸ Там же. С. 339.

¹⁰⁹ Там же. С. 284.

¹¹⁰ Там же. С. 112.

¹¹¹ Там же. С. 118.

¹¹² Там же. С. 354.

¹¹³ См.: Голицын В.М. Московский университет в 60-х годах. [Первые впечатления. Профессора. Студенты, дело Нечаева. Общественная жизнь Москвы. Университет в 60-е гг.] // Голос

В 1925 г. Владимир Михайлович овдовел. Он тяжело пережил утрату жены, с которой прожил более полувека (в 1921 г. они отметили «золотую» свадьбу). 1929 год был ознаменован очередным ударом судьбы: Голицына лишили избирательных прав и выселили из столицы. Последние его «прибежища» – Сергиев Посад (у дочери – Елизаветы Владимировны Трубецкой), с лета 1931 г. – Дмитров (в семье сына Михаила). В новых обстоятельствах, заметно «сдавший» физически, Владимир Михайлович тем не менее старался внести посильный вклад в обеспечение семьи. По заказам издательств он (вместе с сыном) занимался литературными переводами, не отказываясь и от случайных заработков¹¹⁴. Скончался Голицын от воспаления легких, был похоронен в с. Подлипечье под Дмитровом, на кладбище возле церкви Иконы Божией Матери Казанской (могила не сохранилась).

* * *

Раздумья Голицына о судьбе России на рубеже XIX-XX вв. имеют особую ценность. Представитель истинной национальной элиты, нерядовой участник общественно-политических событий, он принадлежал к редкой «породе» деятелей. Человек не суеты, но сути, он тщательно оберегал свою независимость, сумел избежать излишней политизированности и в то же время сохранить до конца верность либеральным убеждениям, которые «выросли» непосредственно из его жизненного опыта. Все это, по нашему мнению, дает основание с доверием относиться к наблюдениям и выводам Голицына. В определенной мере показателем степени объективности автора дневника могут служить его прогнозы развития ситуации, которые нередко (хотя и не всегда) – попадали в цель. В этой связи представляет интерес, в частности, трактовка Голицыным революции в России как процесса, который развивался на протяжении длительного времени, вовсе не ограничиваясь хронологическими рамками 1905-1907 гг. и известными событиями-

минувшего. 1917. № 11-12. С. 173-240; Его же. Москва в семидесятых годах // Голос минувшего. 1919. № 5-12. С. 111-162; Его же. Мои театральные воспоминания // Временник Русского театрального общества. Кн. I. М., 1924. С. 31-90; Его же. Старая Москва [о Москве 1850 – 60-х гг.] / публ. В.Ф. Молчанова // Записки Отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Вып. 51. М., 2000. С. 147-193.

¹¹⁴ Один из таких эпизодов (получение Голицыным «солидного гонорара» в период жизни в Дмитрове) описан в воспоминаниях С.М. Голицына: «Директор Литературного музея, известный революционер, сподвижник Ленина Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич приобрел у кого-то из бывших людей толстый альбом с фотографиями шестидесятых годов. А кто такие были расположенные по страницам господы и дамы – оставалось неизвестным. Альбом в темно-синей бархатной корке был доставлен в Дмитров, и дед с увлечением принялся за работу. Он не только называл каждого и каждую по имени, отчеству и фамилии, но и рассказывал о них различные, иногда очень длинные, иногда со скабрёзными подробностями истории. ... Сейчас в книгах, посвященных Пушкину, постоянно приводится фотография его жены Наталии Николаевны в старости. Сидит почтенная дама в кресле. Фотография эта была из того альбома, и разгадал ее мой дед» // Голицын С.М. Записки уцелевшего... С. 558.

ми 1917 г. Очевидно, что спустя более чем сто лет мудрый взгляд Голицына на все им пережитое и осмысленное противостоит облегченным картинам прошлого (столь распространенным ныне), побуждает к размышлениям о причинах устойчивых закономерностей в отношениях между властью и обществом. Можно предположить, что его «рецепты» спасения России еще долго будут сохранять свою актуальность.